

ЧЕЛОВЕК ДАРИЩИЙ

Очень не хватает Владимира Георгиевича. Взрослеешь, стареешь — возникают вопросы, мучают тебя, однако понимаешь, что кроме него, Владимира Георгиевича, ответить на них некому.

Во-первых, вопросы профессиональные. О школе, в первую очередь. Почему выверенные годами и проверенные ни на одном поколении школьников подходы к преподаванию литературы отвергаются так жестко? Почему кто ни лень прикладывает руку к написанию учебников по литературе? Умер Владимир Георгиевич, а на его место так никто и не пришел — столь же авторитетный, талантливый, мощный и азартный.

Во-вторых, уже не задашь Владимиру Георгиевичу, как бывало, вопросов про все на свете — про телепередачу, про книгу, про его любимую Италию, или про то, что происходит со страной нашей. Кто теперь ответит на вопросы о любви и одиночестве, с кем споешь заветный романс «Что это, сердце, сильно так бьется?» или окупавскую «Виноградную косточку»? У кого спросишь: «Владимир Георгиевич, как вам «Сталинград» Бондарчука?» Догадываешься только, что ответил бы.

Наш курс (1986–1991) отличался социальной активностью и песенным творчеством. В марте 1989 года во время выборов Съезда народных депутатов СССР, мои однокурсники были наблюдателями на избирательных участках. Перед выборами мы собрались в одной из аудиторий на 1 Линии Васильевского острова, совещались, кому что делать и, вообще, что это такое — демократические выборы? Пришел Владимир Георгиевич (вдруг, его не приглашали), сел за парту, почему-то, запомнилось, что одет был в длинном пальто и курил прямо в аудитории. Советовал нам распределиться по избирательным участкам в округе Студенческого городка. Мой однокурсник Андрей зло заметил ему: «Вы ведь коммунистом были. Это вы страну до ручки довели». На что Владимир Георгиевич как раз в этом месте закурил, по-моему, «Мальборо», и, улыбаясь, ответил: «Ну, давайте, все претензии ко мне, я за всех отвечу».

В 90-е годы, работая на кафедре под руководством Владимира Георгиевича, мы неоднократно подписывали различные письма в поддержку тех или иных демократических инициатив. Не говоря уже о письмах в защиту уроков литературы в школе. И сейчас, наблюдая за происходящим в стране и мире, я обязательно думаю: «А как бы это событие, эту политическую фигуру оценил Владимир Георгиевич?»

В наш студенческий фольклор Владимир Георгиевич попал еще тогда, когда мы его знать — не знали, но слышали, что на 3 курсе методику лите-

ратуры будет читать «сам Маранцман». Однокурсница Саша Иванова, чья учительница была «любимой ученицей Маранцмана», агитировала нас в почитатели Маранцмана. Убежденность Саши в том, что Маранцман — это гений, заразила нас. Так появилась песня «Купите мне Маранцмана, живого, непоседливого...», а затем любимая наша песня про черную куртку и узкую лестницу, по которой, как по Риму, прошел Маранцман.

Помнится драматический момент, связанный как раз с методикой. На 3 курсе лекции по методике литературы нам начал читать один из профессоров кафедры. И вот на одной из лекций, когда преподаватель рассказывал нам о 26 или 28 качествах учителя литературы, дверь в аудиторию почему-то открылась, и зашел Владимир Георгиевич. Дальше было следующее: Владимир Георгиевич задал нам, студентам, несколько вопросов, и другой преподаватель тоже задал свои вопросы. Мы стали голосовать. После чего первый лектор вышел из аудитории и больше никогда уже не появлялся. Вопросы касались преподавания литературы в школе. Нам предложили две системы, два подхода к преподаванию литературы в школе. Мы выбрали Маранцмана.

Владимир Георгиевич казался мне небожителем. Лекции он читал как поэт, откинув правую руку чуть вверх. Его баритон меня завораживал. А еще мы часто пели под гитару. И вот это было истинным счастьем!

В последние годы он часто был зол и грустен. Как-то раз он сказал мне по поводу своего перевода «Божественной Комедии»: «Я многим на факультете подарил свой перевод. И тишина. Ни один ничего мне не сказал. Никто даже не прочитал». Вспомнилось пушкинское «Эхо», которое Владимир Георгиевич очень любил.

Он умел быть нежным. Он умел хвалить. Он умел любить. Он умел быть щедрым. О себе могу сказать только одно: «Если бы не он...»

А еще он говорил, что без свободы ничего не бывает — ни любви, ни творчества, ни хорошего урока литературы.

Дорощева Марина, ученица В. Г. Маранцмана